Моисеев Григорий Анатольевич

gmoiseev@yandex.ru

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-издательского центра «Московская консерватория»

125009 Москва,
ул. Большая Никитская, 13/6

Grigory A. Moiseev

gmoiseev@yandex.ru

Ph. D., Senior Researcher of Moscow Conservatory Publishing

13/6, Bolshaya Nikitskaya St.,
Moscow 125009
Russia

Аннотация

В. И. Сафонов и августейшие покровители Московской консерватории Императорского Русского музыкального общества

В статье рассмотрены некоторые аспекты августейшего патронажа над русскими консерваториями на примере взаимоотношений В. И. Сафонова и членов императорской фамилии. С 1889 по 1905 годы Сафонов был директором Московской консерватории, сочетая таланты пианиста, дирижера, педагога (создателя фортепианной школы), а также выдающегося администратора. Благодаря его усилиям был реализован грандиозный план строительства нового здания консерватории, в котором она располагается и поныне. Ключевую роль в успехе этого предприятия сыграло плодотворное взаимодействие с августейшими покровителями. Анализ их деятельности проведен в статье на материале официальных («Устав консерваторий Императорского Русского музыкального общества», 1878) и личных документов (дневников и писем высочайших особ, переписки Сафонова с их помощниками). В период директорства Сафонова патронаж Московской консерватории со стороны царской фамилии имел уникальный двусторонний характер. Помимо официальных петербургских покровителей (вел. кн. Александра Иосифовна, вел. кн. Константин Константинович) она обрела союзника в лице вел. кн. Сергея Александровича, который с 1891 по 1905 годы был генерал-губернатором Москвы. В качестве отдельных сюжетов выделены подготовка и открытие концертных залов консерватории и участие консерваторцев в торжествах, приуроченных к коронации Николая II, освещены личные контакты Сафонова с последним русским императором. Особое внимание уделено оформлению Малого зала консерватории: на материале прессы 1898 года и отчетов ИРМО сделана попытка реконструировать его первоначальное убранство (портреты, роспись плафона). В приложении к статье приведены фрагменты Отчета Московского отделения ИРМО за 1895/1896 год в сопоставлении с «Воспоминаниями» С. Н. Василенко о выступлении Сафонова на Ходынском поле 18 мая 1896 года; дается критическая оценка этого мемуарного источника.

Ключевые слова: *В. И. Сафонов, Московская консерватория, Малый зал, Императорское Русское музыкальное общество, П. И. Чайковский, великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Александра Иосифовна, великий князь Константин Константинович, великий князь Сергей Александрович, Александр III, Николай II, С. Н. Василенко*

Abstract

Vasily Safonov and the August Patrons of the Moscow Conservatory

The paper is devoted to some aspects of the august patronage of Russian conservatories by the example of the relationship between Vasily Safonov and members of the imperial family. Safonov was the headmaster of the Moscow Conservatory from 1889 to 1905. He combined the talents of pianist, conductor, teacher (creator of piano school), as well as an outstanding administrator. Due to his efforts the ambitious plan of erecting a new building for the Conservatory was implemented. Fruitful interaction between Safonov and the august patrons was of great consequence to the success of this enterprise. Analysis of the patrons' activity is carried out on the material of official («Ustav konservatorij Imperatorskogo Russkogo muzykalnogo obschestva», 1878) and personal documents (diaries and letters of the august patrons, correspondence between Safonov and their assistants). August patronage during the Safonov's directorship had a unique bilateral character. Besides the official patron (Grand Duchess Alexandra Iosifovna and later — Grand Duke Konstantin Konstantinovich of Russia) the Conservatory found an ally in the person of Grand Duke Sergey Alexandrovich of Russia, who was the governor-general of Moscow from 1891 to 1905. Special attention is paid to the opening of concert halls of the Conservatory, musical performances carried out by the Conservatory students in honour of the coronation of Nicholas II, Safonov's personal contacts with the last Russian emperor. On the material of the newspapers (1898) and Russian Musical Society reports original decorations of the Small Hall are reconstructed (august portraits, painting in the ceiling). The article contains a supplement: some fragments of Report of the Moscow branch of the Russian Musical Society (1895/1896) and Sergey Vasilenko's «Memoirs» (concerning Safonov's musical performance at Khodynka, May 18, 1896); the latter source is given a critical assessment.

Keywords: *V. I. Safonov, the Moscow Conservatory, The Small Hall of the Moscow Conservatory, the Imperial Russian musical society, P. I. Tchaikovsky, Grand Duke Konstantin Nikolaevich of Russia, Grand Duchesse Alexandra Iosifovna of Russia, Grand Duke Konstantin Konstantinovich of Russia, Grand Duke Sergei Alexandrovich of Russia, Alexander III, Nicholas II, S. N. Vasilenko*

Григорий Моисеев

В. И. САФОНОВ И АВГУСТЕЙШИЕ ПОКРОВИТЕЛИ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

При посещении Малого зала Московской консерватории всякий раз обращаешь внимание на ряд расположенных по его стенам белых прямоугольных панно: три на правой и одно на левой, все — в строгом однотипном обрамлении. Они — как окна в отдаленное прошлое, в 1890-е годы, когда этот зал был построен. Из писем Василия Ильича Сафонова, руководителя нашей alma mater и творца ее архитектурного облика, сохранившегося до нашего времени, мы узнаём, что эти панно были специально спроектированы под портреты представителей русского императорского дома. Стены консерватории хранят память как о ее августейших покровителях, так и о директоре-строителе, по признанию которого «каждый кирпич» этого здания пропитан его «трудом и кровью» [23, *557*].

В XIX веке музыкантов-профессионалов и царскую фамилию могли связывать различные отношения — как официальные, так и сугубо приватные. Круг должностей, допускавших такие контакты, был узок: например, капельмейстер императорской оперы, придворный солист, директор Придворной певческой капеллы, придворный музыкальный воспитатель[1]. Сфера общения расширилась после учреждения Русского музыкального общества (1859): в нее вошли члены комитета директоров и преподаватели музыкальных классов РМО, а позже — директора и профессора Петербургской и Московской консерваторий. Занимая эти посты, активно взаимодействовал с августейшими особами и В. И. Сафонов (1852–1918).

Путь Сафонова в музыке был неординарным. Уроженец Терского края, наделенный от природы выдающимися пианистическими способностями, он избежал участи вундеркинда, получив образование в одном из привилегированных учебных заведений Российской империи — Александровском (бывшем

[1] В качестве известных примеров могут быть названы Э. Ф. Направник, К. Ю. Давыдов, А. Ф. Львов, Р. В. Кюндингер, А. Гензельт.

Царскосельском) лицее, и занимаясь частным образом фортепиано (у А. И. Виллуана и Т. О. Лешетицкого) и теорией музыки (у Н. И. Зарембы). Шесть лет, проведенные Василием Ильичом в канцелярии Комитета министров (1873–1878), очевидно, не прошли даром. «При добрых чиновных отношениях в Петербурге нет ничего невозможного» [22, *329*], — выражение, встречающееся в его переписке, говорит само за себя[2]. Перед ним открывалась перспектива государственной службы; его ближайшие товарищи по учебе впоследствии заняли ключевые правительственные посты[3]. Позднее и сам Василий Ильич, получив чин действительного статского советника (д. с. с., 1892), вошел в круг управленческой элиты — редкий случай в музыкальном мире: до него подобной чести был удостоен лишь А. Г. Рубинштейн (1888).

> Согласно «расписанию должностей консерваторий Императорского Русского музыкального общества», директору присваивался более низкий чин — статского советника, V класса [25, *25*]. Между тем чин *действительного* статского советника по Табели о рангах относился к IV классу, соответствовал военному чину генерала, а его присвоение зависело от личного решения императора. Примечательно, что А. Г. Рубинштейну он был присвоен незадолго до принятия решения о строительстве нового здания Петербургской консерватории, руководителем которой Антон Григорьевич был в те годы. Он получил его по ходатайству вице-председателя ИРМО сенатора А. Н. Марковича, который был «очень доволен, что мог <...> поставить положение директора консерватории, с чиновной точки зрения, на высоту. На массу это производит впечатление» [21, *586*]. Очевидно, поднятие статуса консерваторского директора было необходимо и в контексте запланированного Сафоновым масштабного строительства в Москве. Повышение Сафонова произошло 2 января 1892 года: он был «Всемилостивейше пожалован Высочайшим приказом по Министерству Внутренних Дел»[4].

Однако в конце 1870-х годов Сафонов при первой возможности оставил чиновничью стезю и поступил в Петербургскую консерваторию к Луи Брассену (ноябрь 1879 года). Русское профессиональное музыкальное образование в тот период переживало новый этап институционализации, обусловленный принятием «Устава консерваторий Императорского Русского музыкального общества» (ноябрь 1878 года). По словам историографа ИРМО А. И. Пузыревского, одной

---

[2] Связь Сафонова с высокопоставленным петербургским чиновничеством обыгрывается в известной шутливой присказке — «казак терский, зять министерский»: в 1882 году Василий Ильич женился на Варваре Ивановне Вышнеградской (выпускнице Петербургской консерватории по классу пения К. Эверарди). Ее отец, известный ученый-механик И. А. Вышнеградский, с 1887 по 1892 год занимал пост министра финансов.

[3] Так, Эдуард Плеске (1852–1904), муж сестры Сафонова Марии, с 1894 по 1903 год был управляющим Государственным банком, в 1903–1904 — министром финансов. При этом в 1902–1904 он занимал пост помощника вице-председателя ИРМО.

Владимир Коковцов (1853–1943) был в 1896–1904 товарищем министра финансов, в 1904–1914 — министром финансов, в 1911–1914 — премьер-министром Российской империи.

[4] РГАЛИ. Ф. 2099. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 3 об. — 4.

В статье о Сафонове в энциклопедическом словаре «Московская консерватория от истоков до наших дней» [13, *482*] допущены неточности: неверно указан год получения Сафоновым чина д. с. с. — 1889; утверждается, что этот чин соответствовал должности директора консерватории.

Присущую Сафонову «генеральскую» манеру поведения отмечали многие (нередко с неудовольствием). Так, П. И. Чайковский еще зимой 1890 года негодовал по поводу того, как Сафонов «скоро сумел приучить взирать на него как на генерала» [26, *61*].

Ил. 1. В. И. Сафонов, 1899. Фотография с дарственной надписью Е. Ф. Гнесиной
Музей имени Н. Г. Рубинштейна[5]. КП 494, Ф 214.

[5] Искренне благодарю директора Музея имени Н. Г. Рубинштейна Е. Л. Гуревич за предоставление фотографии В. И. Сафонова.

из главных особенностей этого документа стало определение в нем роли председателя Общества и покровителя консерваторий[6]. Должностные функции этого лица регламентированы в параграфах Устава:

> **§6.** Консерватории, находясь в ве́дении соответственного местного отделения Императорского Русского Музыкального Общества, состоят под покровительством председателя сего Общества.
>
> **§7.** Председатель Императорского Русского Музыкального Общества, как покровитель Консерваторий, утверждает, по представлению местной дирекции, вырабатываемые художественным советом инструкции, программы и учебный план, а также протоколы художественного совета о присуждении дипломов, аттестатов и медалей.
>
> **§8.** Председатель утверждает представления местной дирекции об определении и увольнении директора, профессоров и старших преподавателей, инспектора консерватории и инспектора научных классов, о возведении преподающих художественные предметы в высшие звания, равно и о возведении в звание почетных членов консерватории посторонних артистов.
>
> **§9.** Председатель Императорского Русского Музыкального Общества испрашивает Всемилостивейшие награды орденами и чинами лицам, служащим в консерваториях, он же делает представления о Всемилостивейшем пожаловании звания заслуженного профессора, ординарным профессорам 1-й степени, в вознаграждение за особенные заслуги их.
>
> **§10.** Председателю сообщаются периодические сведения о ходе преподавания в консерваториях и вообще о состоянии сих учреждений, о происшествиях особенных доносится немедленно [25, *5–6*][7].

Пост председателя РМО и звание покровителя консерваторий всегда принадлежали одному из членов императорской фамилии, причастных к музыкальному искусству (не только в роли слушателей, но также исполнителей и авторов, достигших высокого любительского уровня и заинтересованных в развитии специального музыкального образования в России). Покровитель представлял интересы подотчетных ему организаций[8] в высших эшелонах власти, играя роль посредника между правительственными инстанциями и государем императором, за которым оставалось последнее слово при решении важнейших вопросов (в первую очередь финансовых).

Профессиональная деятельность Сафонова началась при **великом князе Константине Николаевиче**, возглавлявшем Общество с 1873 по 1892 годы[9]. Не вызывает сомнений, что он обратил внимание на Сафонова, когда тот учился у Л. Брассена — профессора, за педагогической и творческой деятельностью которого великий князь пристально наблюдал[10]. Не могла пройти мимо него и нестандартная педагогическая карьера Василия Ильича: стремительное превращение вчерашнего студента Петербургской консерватории в ее преподавателя (Сафонов закончил весь курс — с малой золотой медалью — за один год!),

---

[6] ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 538. Л. 258–261.

[7] Здесь и далее при цитировании сохранены некоторые особенности орфографии и пунктуации оригиналов.

[8] РМО и консерватории издавали ежегодные отчеты. См., например, [18].

[9] Подробнее об этом см. [9; 10; 11; 12].

[10] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1164. Л. 17 об. Ед. хр. 1165. Л. 102. Ед. хр. 116. Л. 28.

а через несколько лет — в профессора Московской консерватории. Как следует из Устава, назначения на профессорско-преподавательские должности лично визировались председателем ИРМО (см. с. 66 наст. статьи, §8). Импонировали ему и ансамблевые союзы Сафонова начала 1880-х годов с виолончелистами К. Ю. Давыдовым, И. И. Зейфертом и А. В. Кузнецовым — постоянными участниками еженедельных музыкальных собраний Мраморного дворца (петербургской резиденции великого князя).

Имя Сафонова упоминается в дневниках Константина Николаевича неоднократно. Впервые — в описании «музыкального утра» 23 декабря 1883 года: «От 2 до 6 музыка. Квартет Моцарта, Бетговена №3, Квинтет Онслова №8 и с Вейкманом красивый секстет Гаде. Был пианист Сафонов, из Терских казаков, Моздокского полка. Он с Кузнецовым сыграл красивую сонату Брамса. Потом с органом часть третьего акта Руслана. Обед с артистами в садике»[11]. Для Сафонова и Кузнецова проигрывание Виолончельной сонаты e-moll ор. 38 Брамса послужило генеральной репетицией перед публичным исполнением этого опуса несколькими часами позже на вечернем концерте Санкт-Петербургского общества камерной музыки в зале Петропавловской школы[12]. Следующее упоминание связано уже с одним из квартетных собраний ПО ИРМО (10 ноября 1884 года), где Сафонов был партнером Давыдова в Третьей виолончельной сонате ор. 69 Бетховена[13].

Спустя десять дней (20 ноября) на «состязательном вечере» младших классов четырех педагогов Петербургской консерватории выступали ученицы Сафонова[14]. Присутствовавший там Константин Николаевич выделил воспитанниц К. Я. Лютша и И. А. Боровки (авторитетных представителей немецкой школы), успехи которых его «поразили»; оценку «ниже всякой критики» заслужил А. Д. Дубасов («желательно было бы от него отделаться»). На этом фоне результаты Сафонова были отмечены как «хорошие»[15]. В середине второго семестра (12 февраля 1885 года) августейший покровитель получил «очень приятное впечатление» от посещения разных классов (теоретических, оркестровых и других), причем из фортепианных его выбор остановился именно на сафоновском[16].

Как известно, осенью 1885 года В. И. Сафонов по инициативе П. И. Чайковского был приглашен в Московскую консерваторию. Музыкант ответил согласием, несмотря на энергичные протесты со стороны К. Ю. Давыдова, в то время

---

[11] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 105–105 об.

[12] Программа Пятого собрания Санкт-Петербургского общества камерной музыки (сезон 1883/1884 года): Э. Ф. Направник. Струнный квартет Es-dur ор. 16; И. Брамс. Первая соната для виолончели и фортепиано e-moll ор. 38; Бетховен. Струнный квартет Es-dur ор. 74 («арфовый»). Исполнители — В. И. Сафонов (фортепиано) и струнный квартет в составе: Н. В. Галкин, П. П. Пустарнаков, П. Н. Снетков, А. В. Кузнецов [20, *15*].

[13] «Вечером на квартетном собрании в Кредитном обществе. 3й квартет Чайковского (панихидный в честь Лауба), виолоншельная соната Бетговена (Давидов и Сафонов) и прелестный d-moll квартет Ф. Шуберта» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 14). Сафонов обучался у Давыдова в консерваторском классе камерного ансамбля. Их дуэт сформировался в 1883 году и функционировал до смерти знаменитого виолончелиста (февраль 1889 года).

[14] София Блох, Ольга Борчевская, Ольга Еропкина.

[15] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 20 об.

[16] «У Зике в теории контрапункта, у Римского-Корсакова в композиции, у Нидмана в кларнете <...>, у Бема в скрипке, у Сафонова в фортепианах, у Вурма в корнетах и трубах, у Тернера в тромбонах <...>» (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 117. Л. 64 об.).

возглавлявшего консерваторию Петербургскую [см. 22, *46*][17]. Переход этот был санкционирован августейшим покровителем. Предвидел ли он ту судьбоносную роль, которую суждено было сыграть молодому профессору в дальнейшей истории нашей alma mater в качестве директора-преобразователя? Предоставим читателю самому решить, насколько уместен здесь подобный риторический вопрос. Неординарные качества Сафонова-педагога привлекали великого князя еще в Петербурге, а в Москве этот интерес привел к знаменательному событию: во время визита 1886 года в Первопрестольную Его Высочество услышал на одном из светских раутов вундеркинда Иосифа Левина и рекомендовал Сафонову принять его в свой класс, несмотря на то что мальчику было всего двенадцать лет[18]. Возможно, пути ученика и учителя пересеклись бы и без великокняжеского посредничества, но история не знает сослагательного наклонения[19].

25 июня 1889 года в Павловске Василий Ильич представлялся председателю ИРМО в своем новом амплуа: «В час дня общий завтрак, при котором был Сафонов, новый директор Московской консерватории»[20]. Это была их последняя встреча[21]. На «общем завтраке» присутствовали также супруга Константина Николаевича, великая княгиня Александра Иосифовна, и их сын — великий князь Константин Константинович. С ними Сафонову предстояло строить дальнейший московско-петербургский диалог[22].

Представители великокняжеской семьи Константиновичей более тридцати лет (1873–1908) покровительствовали ИРМО в целом и Московской консерватории в частности и контактировали со всеми ее руководителями, начиная с Н. Г. Рубинштейна. Эти взаимоотношения проходили разные стадии: в 1870-е годы между Мраморным дворцом и Московской консерваторией сложились тесные связи (Н. Г. Рубинштейн — вел. кн. Константин Николаевич, см. [11]). В следующем десятилетии из-за частой смены директоров (Н. А. Губерт, К. К. Альбрехт, С. И. Танеев) они несколько ослабли. Тогда же началась многолетняя борьба между МО ИРМО и МФО, которая затрагивала и августейших покровителей и даже приводила к конфликтам между ними[23].

---

[17] Переход Сафонова привел к временному охлаждению между двумя музыкантами.

[18] Подробнее об этом см. [3, *73*]. Напомним, что Сафонов весной 1886 года имел звание ординарного профессора, обучая студентов старших классов. Согласно заведенному распорядку, Левин должен был быть зачислен в приготовительный класс, но Сафонов сразу оставил его у себя.

[19] Во время визита в Москву в марте 1886 года Константин Николаевич присутствовал также на концерте в пользу недостаточных учеников консерватории, где ученик Сафонова Давид Шор сыграл Концерт d-moll И. С. Баха.

[20] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 61 об.

[21] 11 мая 1889 года на заседании Дирекции МО ИРМО В. И. Сафонов был избран директором Московской консерватории; 7 июля 1889 года вел. кн. Константин Николаевич перенес инсульт.

[22] Павловск был и местом последней встречи В. И. Сафонова с вел. кн. Константином Константиновичем (поэтом К. Р.), когда оба они уже не были связаны ни с ИРМО, ни с консерваториями. «У меня был музыкант Вас. Ил. Сафонов. Погуляли. Он у нас завтракал», — записал К. Р. в своем дневнике 19 сентября 1914 года [5, *348*]. Отметим сходство человеческих судеб: и К. Р., и Сафонов потеряли в годы Первой мировой войны любимых сыновей.

[23] Имеется в виду размолвка между двумя родными братьями — вел. кн. Константином Николаевичем (председателем ИРМО и покровителем консерваторий) и вел. кн. Николаем Николаевичем (принявшим на себя покровительство над МФО и Музыкально-драматическим училищем — «поганой контра-консерваторией», по выражению Константина Николаевича).

В конце 1880-х — начале 1890-х недолгое, но мощное влияние на центральное руководство ИРМО оказывал А. Г. Рубинштейн, основное внимание которого было обращено на Петербургскую консерваторию — приоритетом было строительство ее нового здания. При этом интересы Москвы отодвинулись на задний план, и Сафонову приходилось прилагать специальные усилия для устранения негативных последствий (см. [22, *144–145*]). С уходом «неистового Антона» условия для конструктивного диалога стали более благоприятными.

Великая княгиня Александра Иосифовна (1830–1911), еще в 1887 году частично взявшая на себя функции председателя[24], официально заняла этот пост после смерти супруга. Стиль ее управления ИРМО характеризовался освобождением от административных дел ввиду преклонного возраста и слабого здоровья. Вступая в должность, великая княгиня откровенно признавалась: «...Боюсь, что у Меня не станет ни сил, ни умения быть достойной преемницей Моего дорогого предместника. Только упование на помощь Божью и надежда на единодушную поддержку членов Общества с достойнейшим Вице-председателем и всех истинных друзей родного искусства побуждают меня решительно принять на Себя работы и ответственность председательствования»[25]. Исполнительные обязанности были возложены на штат заместителей, состоявший из членов Главной дирекции ИРМО, в основном петербуржцев, но не только: Сафонов также входил в ее состав[26].

Как старейший член императорской фамилии Александра Иосифовна рекомендовала Московскую консерваторию и ее директора генерал-губернатору Москвы вел. кн. Сергею Александровичу, одобрила изложенный Сафоновым план строительства ее нового здания. Пришлось ей свыкнуться и с самостоятельностью московского директора. Редко покидавшая свои резиденции великая княгиня за все время своего патронажа посетила Москву лишь однажды (в мае 1896 года). К концу 1890-х председательство Александры Иосифовны стало практически номинальным, «почетным», хотя она продолжала проявлять к делу интерес, утверждая планы строительства, удостаивая Василия Ильича благодарственными рескриптами[27].

В 1897 году функции главы ИРМО перешли к ее сыну, **великому князю Константину Константиновичу** (1858–1915), официально занявшему должность

Объяснение тет-а-тет произошло в феврале 1888 года, приняло «преглупый и пренеприятный оборот» и закончилось ничем [21, *548–549*]. Конфликт назревал с 1885 года, когда Училище, несмотря на противодействие со стороны ИРМО, получило равные права с консерваторией. В 1890-е годы покровительство двум конкурирующим организациям осуществлялось еще более причудливым образом: союзником МО ИРМО стал вел. кн. Сергей Александрович, а покровителем МФО — его супруга, вел. кн. Елизавета Федоровна.

[24] О причинах передачи полномочий подробнее см. [9, *325–326*].

[25] Депеша, полученная 8 февраля 1892 года Главной дирекцией ИРМО от вел. кн. Александры Иосифовны // ЦГИА СПб. Ф. 408. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 1–1 об.

[26] В качестве руководителя Московской консерватории — согласно ст. 25 и 28 Устава Императорского Русского музыкального общества: «Главная дирекция состоит из председателя общества, помощника председателя, директоров консерваторий общества, двух постоянных членов и членов уполномоченных, по одному от дирекций каждого из местных отделений»; «*Директоры консерваторий* (курсив мой. — *Г. М.*) состоят членами главной дирекции по своему званию» [24, *10–11*].

[27] В мае 1897 года вел. кн. Александра Иосифовна также выразила желание стать восприемницей дочери Сафонова Марии [22, *244–245*].

вице-председателя[28], фактически же ставшему в Обществе первым лицом. Его связь с Московской консерваторией была более глубокой, что выражалось и в числе посещений (впервые в 1883 году) — официальных и неофициальных, ради наблюдения за ее повседневной работой, и в поддержке внутриконсерваторской политики, проводимой Сафоновым: Константин принял его сторону в «деле Конюса» (1899) и в период революционных студенческих волнений (1905, разрешение сходок), ходатайствовал перед Николаем II о выделении дополнительных средств на строительство, с пониманием отнесся к просьбе Василия Ильича об отставке, но не утвердил его «Проект устава консерваторий ИРМО» (1898).

Действенную роль в общении Сафонова с петербургскими покровителями играли их помощники по ИРМО — Н. И. Стояновский (именно к нему относились слова Александры Иосифовны «достойнейший Вице-председатель»), А. А. Герке, Э. Д. Плеске (пианист-любитель, товарищ Сафонова по Лицею); конфиденциальный характер носила переписка Сафонова с лицами из ближайшего окружения покровителей — А. А. Киреевым и П. Е. Кеппеном. Последний был теснейшими узами связан с семьей Константиновичей с конца 1860-х годов, фактически став ее членом и распорядителем дел всего великокняжеского дома. Без совета с ним не принималось ни одно важное решение. Энциклопедически образованный человек, педагог по призванию П. Е. Кеппен стал таким же незаменимым советчиком и для Сафонова. Между ними установились доверительные отношения.

Эпистолярий названных лиц насчитывает несколько десятков писем. Представляя собой ценный источник по истории Московской консерватории и ИРМО, он проясняет ту роль, которую играли августейшие покровители. Приведем несколько фрагментов:

> **А. А. Киреев — В. И. Сафонову, 4 мая 1891 года**
> Пишу Вам по приказанию Великой Княгини Александры Иосифовны. Ее Высочество поручает мне передать Вам, что она самым настоятельным образом (ans Herz gelegt) рекомендовала новым Генерал-Губернатору и Губернаторше Москвы[29] нашу Консерваторию. Сейчас отправила она Великому Князю и Великой Княгине на поезд, мчащий их в Белокаменную, телеграмму, в которой Ее Императорское Высочество говорит, что Вы явитесь к ним. Великая Княгиня Александра Иосифовна опасается, что Филармоническое общество (наш конкурент) будет интриговать у Их Высочеств против нас. <...> Сообщите, пожалуйста, вообще Ваше мнение, может ли наш полуграмотный конкурент[30] быть нам опасным? Ведь я сам видел, как этот господин не мог продирижировать оркестром, аккомпанируя своего же пианиста [22, *103*].
>
> **В. И. Сафонов — Н. И. Стояновскому, 26 января 1893 года**
> В понедельник я ездил пригласить В[еликого] К[нязя] Константина Константиновича посетить Консерваторию и он назначил для этого посещения сегодня, вторник, 26 января 2 часа дня. Чтобы ему представить ensemble нашей работы,

---

[28] К. Р. сменил на этом посту сенатора Н. И. Стояновского.

[29] «Новый Генерал-Губернатор» — вел. кн. Сергей Александрович; «Губернаторша» — вел. кн. Елизавета Федоровна. В начале мая 1891 года эта великокняжеская чета («Их Высочества») переехала в Москву.

[30] Имеется в виду Петр Адамович Шостаковский (1851 или 1853 — 1917) — основатель и руководитель МФО.

я назначил к исполнению мессу Бетховена C-dur для голосов соло, хора, оркестра и органа. В[еликий] Князь сделал нам очень приятный сюрприз: привез вместе с собою Их Высочества Сергея Александровича и Елизавету Федоровну. Я был этому очень рад именно потому, что мы не ждали их приезда, и значит, высокие гости имели случай видеть нашу повседневную, а не показную работу. После мессы был предложен чай и Их Высочества провели у нас время почти до 4-х часов. <...> Вечером мы проводили В[еликого] Князя на курьерский поезд. По-видимому, он остался очень доволен своими музыкальными посещениями [там же, *130, 131*].

В. И. Сафонов — П. Е. Кеппену, 29 января 1897 года
...Главное Управление [уделов] просило прислать Устав Консерваторий, чтобы убедиться в буквальном смысле параграфа 5, гарантирующего нашей Консерватории пособие ежегодно в размере 20 т. рублей <...>. Когда же Бог поможет окончить постройку, то необходимо будет, не испрашивая для нас никаких огромных сумм, помочь Московской Консерватории, увеличив ежегодную субсидию законодательным порядком по крайней мере до 35 т., ввиду того что наши операции неминуемо должны будут расшириться по всем отраслям. Вот когда уже надо будет прибегнуть к помощи Августейшего нашего Председателя [там же, *227–228*].

В. И. Сафонов — П. Е. Кеппену, 10 февраля 1905 года
...У меня есть к Вам большая просьба: дайте совет, и по возможности немедленный, каким путем можно избавить от призыва на войну нашего преподавателя декламации и сценического класса Ник[олая] Ник[олаевича] Званцова, получившего требование явиться в Самару. Он теперь нездоров и подал свидетельство о болезни. У меня уже взяли среди года Правителя дел, теперь хотят взять преподавателя — чистая беда! Очень был бы Вам признателен, если бы Вы помогли мне советом или делом. Может быть Великий Князь нам может помочь? [там же, *655–656*].

В. И. Сафонов — П. Е. Кеппену, 16 февраля 1905 года
Агитация П[етер]б[ур]г[ской] Консерватории проникла и сюда. Приезжал оттуда делегат подбивать наших на забастовку (делегат этот ко мне, разумеется, не появился). Произошло брожение, и вчера молодежь просила меня разрешить им сходку для обсуждения, как они говорят, волнующих их вопросов. Так как сходки нашим уставом не предусмотрены, то я сказал им, что должен попросить на это разрешение Великого Князя, для чего лучше всего мне съездить в Петербург, на месте узнать подробности тамошних дел и просить указаний Его Высочества [там же, *657*].

Из этих писем выясняется и точка зрения Сафонова на поддержку столичных консерваторий со стороны правительственных кругов. Заметим, что на протяжении всей дореволюционной истории эти высшие учебные заведения так и не получили статуса государственных, несмотря на энергичные усилия ряда музыкальных авторитетов, в частности А. Г. Рубинштейна. В отличие от старшего коллеги, Сафонов, опиравшийся на поддержку московских меценатов, был убежден: «мысль передать Консерватории в казну <...> была бы величайшей ошибкой и несчастием для музыкального дела, которое тогда утратит всю жизненность, прозябая на почве чиновной сытости. Лучше жить впроголодь, но развиваться свободно» [22, *199*]. В то же время предметом его постоянных усилий в 1890-е годы было уравнивание консерваторий в возможностях, в первую очередь в обретении собственных залов, а с ними — независимости от арендодателей: «Теперь,

когда эмансипация Петербургской Консерватории близка к осуществлению, мне кажется возможным и настоятельно необходимым помочь и нашему здешнему делу, поставленному в условия, гораздо труднейшие сравнительно с Петербургом» [22, *134*].

Первая попытка Сафонова получить «зеленую улицу» в деле строительства нового консерваторского помещения успеха не имела. В октябре 1891 года, будучи в Петербурге, он изложил свой план постройки архитектурного комплекса консерватории великой княгине Александре Иосифовне; она одобрила проект, однако он был отклонен Московской городской думой. Обновленный проект, связанный с именем архитектора В. П. Загорского и в итоге воплотившийся в нынешнее здание, был запущен в 1892 году. На сей раз путь преодоления трудностей был подсказан Сафонову министром финансов С. Ю. Витте, выразившим готовность помочь, если почин встретит поддержку со стороны московского генерал-губернатора. С 1891 года этот пост занимал брат императора Александра III, **великий князь Сергей Александрович**.

«Августейший Генерал-Губернатор может оставить прекрасный памятник своему имени и ознаменовать свое управление полезным сооружением», — писал Сафонов Н. И. Стояновскому 21 февраля 1893 года [22, *135*]. Губернаторство вел. кн. Сергея Александровича — единственный в своем роде эпизод в истории Москвы XVIII–XX веков: ни до, ни после Первопрестольную не возглавлял представитель царской фамилии. Как следует из приведенного выше письма А. А. Киреева (см. с. 70), содействие вел. кн. Сергея Александровича служило бы для Московской консерватории залогом дальнейшего развития в нелегкой конкурентной борьбе. Действия Сафонова в этом отношении были весьма энергичными: в том же 1891 году состоялось избрание великого князя и его супруги, вел. кн. Елизаветы Федоровны, почетными членами МО ИРМО; Сафонов постоянно имел доступ к генерал-губернатору (в форме аудиенций)[31]; ему удавалось удерживать пальму первенства даже несмотря на то, что МФО привлекло в качестве своей покровительницы вел. кн. Елизавету Федоровну.

22 февраля 1893 года Сафонов обратился к генерал-губернатору с обстоятельной докладной запиской о необходимости возведения нового здания и его финансирования из средств государственного казначейства, ссылаясь на опыт «старшего брата»: «Державной волею С. Петербургская Консерватория вызвана к новой жизни дарованием ей здания Большого театра, ныне приспособляемого к потребностям Консерватории и Музыкального общества. Точно так же и Москва могла бы быть осчастливлена милостию Монарха в вопросе, касающемся дальнейшего процветания музыкального дела в первопрестольной столице» [22, *133*]. Исход проблемы решило «очень теплое письмо» вел. кн. Сергея Александровича к С. Ю. Витте [22, *142*], а через три месяца последовало высочайшее соизволение императора Александра III на отпуск запрашиваемой суммы. «Мои усилия наконец увенчались успехом, и Государь подарил нам 400 тысяч рублей на перестройку Консерватории, — сообщал Сафонов Чайковскому. — Теперь, благодаря Бога, мы будем иметь свои 2 зала, и можно смело сказать, что Моск[овское] отдел[ение] теперь вступает на новый путь развития. При свидании расскажу подробности, теперь же сообщу только, что мне удалось провести это дело совершенно одному, не только помимо нашей, но и Главной Дирекции

[31] О количестве аудиенций и их периодичности можно составить представление, обратившись к «Летописи жизни и творчества В. И. Сафонова» [6, *747*].

с Августейшею Председательницею во главе, так что я объявил своим коллегам уже совершившийся факт, а В[еликой] Княгине пишу сегодня письмо, чтобы т[ак] сказ[ать], приобщить ее к этому событию. Soli Deo Gloria!» [22, *141*][32]. Итак, выйдя на высочайший уровень, Сафонов действовал, минуя покровительство вел. кн. Александры Иосифовны и тем самым нарушая уставную субординацию. Схожим образом поступил за двадцать лет до этого Н. Г. Рубинштейн, в критической для Московской консерватории ситуации добившийся от императора Александра II государственной субсидии, минуя вел. кн. Елену Павловну — тогдашнего председателя РМО (см. [11]).

Чайковский, выразив уверенность в том, что благодаря обретению собственных залов «московское дело станет на недосягаемую высоту», уже видел в качестве следующего этапа создание самостоятельного оркестра, независимого от Дирекции императорских театров. Подводя промежуточный итог действиям младшего коллеги, он писал: «Ты совершил действительно великое и благое для Моск[овского] муз[ыкального] общ[ества] дело. Браво! Нет, не soli Deo, но Gloria и Тебе и Царю! Я многого ждал от Твоего ума и административного таланта, но это превзошло мои ожидания» [27, *125*][33].

До открытия новых залов произошло немало событий: ушли из жизни П. И. Чайковский и император Александр III, консерватория временно переехала в бывшую усадьбу князей Голицыных на Волхонке, а на Большой Никитской состоялась закладка нового здания; в Москве прошла коронация Николая II.

Музыкальная часть коронационных торжеств (8–26 мая 1896 года), весьма насыщенная и разнообразная, поражает числом занятых в ней исполнительских сил. В Москву прибыли артистические коллективы из Петербурга (Придворный оркестр, роговой оркестр) и Германии (Берлинский филармонический оркестр под управлением Карла Мука), ведущие российские и зарубежные солисты. Было привлечено множество местных профессиональных (оркестр и хор Русской оперы) и любительских коллективов [7; 18].

При этом воспитанники Московской консерватории под управлением Сафонова принимали участие почти во всех мероприятиях (подробнее см. Приложение к наст. статье, с. 86–91). Остановимся на некоторых из них.

По случаю коронации в Москву прибыла практически вся императорская семья, в том числе вел. кн. Александра Иосифовна. К ее приезду было подготовлено «музыкальное испытание учащихся августейшим председателем Общества по предложенной Ее Высочеством программе» — достаточно традиционная акция, неоднократно имевшая место в 1870–1880-е годы. Однако на этот раз она выделялась своей вписанностью в «коронационный контекст», а также и тем, что это был первый визит Александры Иосифовны к покровительствуемым ею консерваторцам. «Испытание» проходило в зале Московской городской думы 23 мая[34].

---

[32] Одному Богу слава. — *лат.* Письмо от 24 июня 1893 года, Москва.

[33] Письмо от 3 июля 1893 года, Гранкино.

[34] Программа «музыкального испытания» приводится в Приложении 1 к настоящей статье (с. 88). Монументальное красное здание Московской городской думы на Воскресенской площади (ныне площадь Революции) было построено в 1890–1892 годах (архитектор Д. Н. Чичагов) в типичном для той эпохи псевдорусском стиле. Неоренессансный интерьер утрачен в 1930-е годы. С 1936 по 1993 год в здании функционировал Центральный музей В. И. Ленина. В настоящее время здесь располагается филиал Государственного Исторического музея.

Ил. 2. Вел. кн. Александра Иосифовна, начало 1890-х годов

Источник иллюстрации:
альбом «Великий князь Константин Константинович Романов».
Самара: Издательский дом «Агни», 2002.

Ил. 3. Вел. кн. Сергей Александрович и вел. кн. Елизавета Федоровна, 1895

Источник иллюстрации:
альбом «Великая княгиня Елисавета Феодоровна».
М.: Марфо-Мариинская обитель милосердия, 2009.

За несколько часов до него в том же зале консерваторский оркестр принял участие в премьере сочинения, необычного по своему составу, — «Приветственной кантаты» ор. 12 М. Ипполитова-Иванова на текст В. Буслаева для двухголосного детского хора (230 мальчиков и 270 девочек), обращенной к присутствовавшим в зале императору Николаю II и императрице Александре Федоровне (soprano II: «Привет тебе, отец державный...»; soprano I: «Привет тебе, Руси царица...»). Исполнение этой одночастной миниатюры[35] и «музыкальное испытание» принадлежали к светлым страницам коронационных торжеств, о чем свидетельствует «милостивый рескрипт» вел. кн. Александры Иосифовны, адресованный Сафонову и консерваторцам (см. Приложение, с. 87, 89–90).

Самым тяжелым — и по подготовке, и по условиям исполнения (на открытом воздухе, при палящем солнце и страшной жаре) — было выступление на Ходынском поле 18 мая, в день печально известных событий. На сей раз Сафонову, выступившему в роли «главного дирижера», пришлось одновременно держать под контролем 1700 певчих (восемнадцать объединенных хоров, в том числе консерваторский, каждый со своим регентом), восемь военных оркестров (с собственными капельмейстерами), три полных звона колоколов и восемь артиллерийских батарей, координируя их с помощью специального сигнального аппарата. Программа ограничивалась всего двумя пьесами — «Боже, Царя храни» А. Ф. Львова и «Славься» М. И. Глинки, которые, судя по всему, должны были безостановочно сменять друг друга на протяжении всего времени, пока царская чета присутствует на Ходынском поле.

Все источники (за одним исключением) свидетельствуют, что и это «испытание» прошло без сбоев. Подробности отражены в Отчете МО ИРМО за 1895–1896 год (см. Приложение 1, с. 87), отзывах прессы, дневниках и воспоминаниях действующих лиц. Звуковой ряд воспринимался ими по-разному: как часть духоподъемного действа, как маловыразительная музыкальная машина, как концерт для пушек — с оркестром и без него.

> **И. В. Липаев («Русская музыкальная газета»)**: «Их Величествам благоугодно было прибыть на [народное] гулянье в 2 ч[аса] 10 м[инут] пополудни. Пред царским павильоном певческие общества, под управл[ением] В. И. Сафонова, исполнили народный гимн и “Славься” из оперы “Жизнь за Царя” Глинки» [7, *708*].

> **Вел. кн. Константин Константинович (дневниковая запись от 18 мая)**: «На поле перед павильоном, выстроенным для Государя, напротив Петровского дворца, собралось семьсот тысяч народу, т[о] е[сть] более чем Наполеон привел с собой в Москву. <...> Когда Их Величества показались на балконе павильона, грянуло оглушительное “ура”. Это была торжественная, дух захватывающая минута. Огромный хор пел “Боже Царя храни” и “Славься” при колокольном звоне и громе пушек» [4, *231*].

> **Вел. кн. Сергей Александрович (дневниковая запись от 18 мая)**: «В 2 ч[аса] цари были в павильоне — энтузиазм громадный» [2, *328*].

> **Император Николай II (дневниковая запись от 18 мая)**: «Аликс [имп. Александра Федоровна] и я отправились на Ходынку на присутствование при этом

[35] Коронационная кантата М. М. Ипполитова-Иванова длится не более трех минут.

печальном “народном празднике”. Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка *всё время* (курсив мой. — *Г. М.*) играла гимн и “Славься”» [17, *274*].

С. Н. Василенко (из воспоминаний участника хора): «Приехал Николай II. Я стоял очень близко от балкона и ясно видел его мертвенно-бледное, дергающееся лицо, потухшие глаза... Началось исполнение... На шестнадцатом такте “Славься” раздался залп пушек, да такой, что покрыл хоры, колокола, оркестры... За ним другой, третий — и пошло писать... Эстрада и балкон дрожали <...>» [1, *86*].

Последняя из приведенных цитат представляет собой лишь небольшой фрагмент (завязку) картинного повествования, не лишенного гротесковых черт. Нельзя не отдать должного литературному мастерству мемуариста, однако сравнение с другими источниками убеждает: реальные факты принесены здесь в жертву художественному вымыслу. Сюжетная канва рассказа С. Н. Василенко включает следующие эпизоды: вынужденное сокращение музыкальной программы в соответствии с желанием царя (вместо первоначально готовившихся консерваторцами шести пьес остался только хор «Славься»); начало исполнения (см. приведенный выше фрагмент); растерянность Сафонова в связи с приказом придворного адъютанта «остановить стрельбу» («государь недоволен...»). В эффектно сочиненной развязке происходит катастрофа: Сафонов теряет контроль над грандиозной партитурой — пушечный грохот окончательно подавляет музыку Глинки (скрытая аналогия с утренней давкой), что приводит к преждевременному отъезду раздосадованного императора и его свиты[36].

Если бы такой провал действительно имел место, дальнейшее успешное общение Сафонова с августейшими покровителями было бы трудно себе представить. Между тем в формулярном списке музыканта за май-июнь 1896 года зафиксированы «лестные отзывы» и «благодарность за блестящее участие консерватории, под управлением директора, в музыкальных исполнениях», а запись от 27 февраля 1897 года еще более красноречива: «В награду за труды по устройству и приготовлению торжеств Св. Коронования их Императорских Величеств Всемилостивейше пожалован орден Св. Владимира 3-й степени»[37]. Более того, всего через неделю, 7 марта, в Царском Селе состоялась **личная встреча Сафонова с Николаем II**[38] — эпизод, заслуживающий особого внимания в контексте консерваторской проблематики.

---

[36] Этот рассказ не находит подтверждения у других авторов. Фактологические неточности мемуаров можно объяснить полувековой давностью описываемых событий, а специфическую интонацию — идеологической атмосферой эпохи, когда они создавались (середина 1940-х, 1954–1955 годы). Интересно отметить, что в передаче музыкально-акустических реалий мемуарист противоречит сам себе: из повествования следует, что проблема звукового баланса («являлся вопрос: куда поставить батарею, чтобы слышалось громче или слабее?») была, по-видимому, успешно разрешена дирижером еще на стадии репетиций.

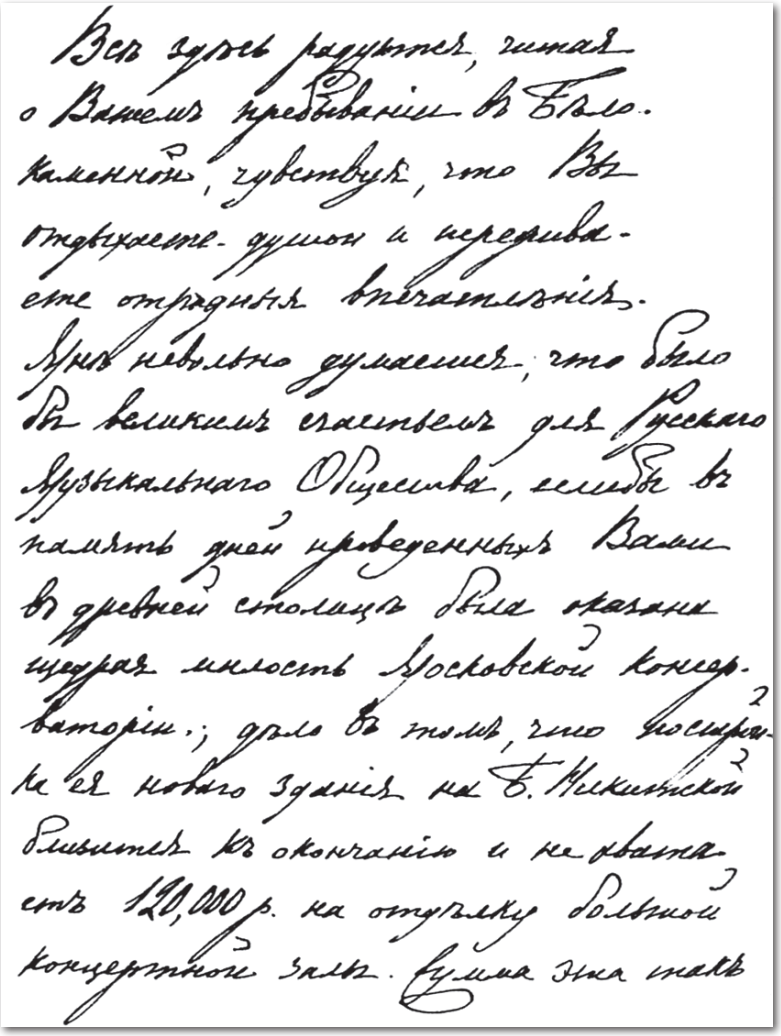
В Приложении 3 описание Василенко [1, *84–86*] приводится полностью, чтобы читатель имел возможность соотнести его с помещенным там же Отчетом МО ИРМО за 1895–1896 год [18, *73–79*].

[37] РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 2. Д. 22. Л. 4 об. — 5 об.

[38] Эта дата установлена автором настоящей статьи по дневниковой записи Николая II от 7 марта 1897 года: «Имел четыре доклада и принимал представляющихся» [17, *331*]. Таким образом, Василий Ильич принадлежал к числу немногих музыкантов, удостоившихся аудиенции у последнего российского императора.

Ил. 4. Вел. кн. Константин Константинович, 1896

Источник иллюстрации:
Завьялова Л., Орлов К. «Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи — история семьи». СПб.: Вита Нова, 2009.



Весь здѣсь радуется, читая о Вашемъ пребываніи въ Бѣлокаменной, чувствуя, что Вы отдыхаете душою и переживаете отрадныя впечатлѣнія. Мы невольно думаемъ, что было бы великимъ счастьемъ для Русскаго Музыкальнаго Общества, если бы въ память дней проведенныхъ Вами въ древней столицѣ была оказана щедрая милость Московской консерваторіи; дѣло въ томъ, что постройка ея новаго зданія на Б. Никитской близится къ окончанію и не хватаетъ 120,000 р. на отдѣлку большой концертной залы. Сумма эта стала

Ил. 5. Письмо вел. кн. Константина Константиновича к императору Николаю II. С.-Петербург, 13 апреля 1900 года. Фрагмент. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1268. Л. 107 об. — 108.

Тема беседы — текущие проблемы учебного заведения — раскрыта в письме Василия Ильича к С. Ю. Витте (с расчетом на дальнейшую поддержку со стороны министра финансов): «Его Величество, удостоивший меня приема в своем кабинете, после обычных вступительных фраз, Сам начал разговор о нашей постройке словами: “У вас будет отличное здание”. Это милостивое обращение после известных Вашему Высокопревосходительству неприятных перипетий с Петербургской Консерваторией, исполнило мое сердце радостью. Как умел, я объяснил Государю необходимые подробности, касающиеся нового здания, причем не мог обойти молчанием ожидаемых денежных затруднений. Выслушав эти объяснения, Его Величество задал несколько вопросов, касающихся специальных сторон постройки и затем, при прощании, пожелал Московской Консерватории всякого успеха и процветания» [22, *258*].

9 сентября 1898 года занятия в новом помещении начались с молебствия и речи Сафонова, пронизанной традиционной для той эпохи верноподданнической фразеологией [22, *691–693*]. В ответ он получил приветственные телеграммы от московских и петербургских покровителей, а также прочувствованное поздравление от заместителя вице-председателя ИРМО сенатора Августа Герке:

> С особенным удовольствием получила отрадное известие об открытии занятий в новом здании консерватории, душевно поздравляю и всех благодарю.
>
> *Александра.*

> Искренне благодарю вас, дирекцию, строительную комиссию и преподающих в консерватории за добрую обо Мне память, да почиет Божие благословение на вновь открытом здании.
>
> *Константин.*

> Великая Княгиня и Я от души поздравляем вас, дирекцию и преподающих в консерватории с открытием учебного года в новом помещении и желаем консерватории полнейшего процветания в новом здании, сердечно благодарим всех за любезное внимание.
>
> *Сергей.*

> Дружески сердечно поздравляю вас и консерваторию с переходом в новое здание, да хранит Господь московскую консерваторию.
>
> *Сенатор Герке*
>
> (цит. по: [14, *2*]).

Открытие Малого зала состоялось 25 октября. «Вся лестница бокового подъезда консерватории была убрана экзотическими растениями, — сообщал “Московский вестник”. — На средней площадке устроена была в зелени уютная гостиная, а на верхней площадке, утопая в пальмах и цветущих растениях, возвышались бюсты основателя консерватории Н. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковского» [15, *3*], к пятой годовщине смерти которого учащиеся под управлением Сафонова подготовили монографическую программу[39]. Посетители «экстренного музыкального утра» смогли первыми оценить декор. «Зал был освещен a giorno[40] и выглядел очень эффектно, благодаря выдержанному вкусу лепных

[39] Серенада для струнного оркестра ор. 48; романсы «Примирение» (исп. Е. Винберг), «Ни слова, о друг мой», «Серенада» (В. Эссен), «То было раннею весной» (А. Шубин), «День ли царит» (А. Познякова); «Романс» ор. 5 (Д. Вейсс), «Думка» ор. 59 (Д. Корнилов); вокальный квартет «Ночь» (С. Булгакова, Е. Чайковская, Б. Казимиро, В. Толкачев).

[40] Яркое искусственное освещение, по силе приближающееся к дневному свету. — *ит.*

украшений и ослепительно белой окраске стен» [15, *3*], живописному плафону работы художника Н. Н. Егорьева, «аллегорически изображающему все отрасли музыкального искусства», а также «фигуры Глинки, Бетховена, Баха» и других классиков [8, *1094*].

Поскольку зал был не только концертным, но и актовым, он был украшен огромными парадными портретами Александра II, «при котором была основана консерватория», Александра III, «даровавшего первые средства на сооружение здания», великого князя Константина Николаевича, как «первого председателя Императорского Русского музыкального общества», а также царствующего императора Николая II. Они заполнили собой четыре панно, о которых шла речь в начале настоящей статьи[41]. Фойе зала украшали портреты покровительниц — великих княгинь Александры Иосифовны и Елены Павловны (основательницы РМО). Портреты были выполнены известной фирмой «А. Аванцо» [19, *9*]. Их нынешнее местонахождение неизвестно[42].

Обратившись к письмам Сафонова, можно увидеть, как эволюционировал его замысел, касавшийся изобразительного ряда, а также и то, что портреты были «заказаны согласно указаниям Великого Князя Константина Константиновича» [22, *338–339, 375*]. Покровители на открытии зала не присутствовали и вновь откликнулись на московское событие поздравительными телеграммами [16, *2*].

Завершение строительства Большого зала — новый виток взаимоотношений Сафонова с августейшими покровителями. Он относится к пасхальным дням 1900 года, когда императорская чета гостила в Москве (с 1 по 23 апреля). Хотя на этот раз в их честь не устраивались грандиозные музыкально-театральные исполнения (визит носил «простой, не торжественный» характер [2, *491*]), город рассчитывал на монаршее благоволение, актуальное еще и потому, что необходимо было загладить мрачное впечатление от ходынской трагедии. Сафонов в тот период был озабочен изысканием средств на завершение строительства. Возможность личного контакта с монархом, демонстрация ему артистических достижений консерватории облегчили бы решение этих проблем. Привлечь высочайшее внимание к нуждам учебного заведения мог экзаменационный ученический спектакль[43]. «Кто знает, может быть от этого посещения зависит блистательное окончание нашего здания?» — обращался Сафонов к А. А. Герке 11 апреля [22, *457*]. «Напомнить» царю о спектакле должен был вел. кн. Константин Константинович. Но буквально через день стратегия изменилась: очевидно, Василий Ильич получил достоверную информацию о том, что в планы государя не входит посещение каких-либо публичных мероприятий[44]. Результатом всех этих приготовлений стало осторожное письмо великого князя к своему царственному племяннику (13 апреля): «Мне невольно думается, что было бы великим

[41] Портрет Николая II занимал панно на левой стене; три других портрета висели на правой стене.

[42] Из первоначального убранства Малого зала к настоящему времени сохранились: медальон с портретом Н. Г. Рубинштейна над сценой и мраморные доски с именами учащихся, закончивших консерваторию с золотой медалью. К 2015 году планируется восстановить роспись плафона.

[43] 16 и 22 апреля в Большом театре под управлением Сафонова прошли два представления оперы О. Николаи «Виндзорские проказницы».

[44] Можно предположить, что это было обусловлено кончиной вел. кн. Александры Петровны (Киев, 13 апреля 1900 года). В период траура члены императорской фамилии не посещали театральных спектаклей.

счастьем для Русского Музыкального Общества, если бы в память дней, проведенных Вами в древней столице, была оказана щедрая милость Московской консерватории; дело в том, что постройка ее нового здания на Б. Никитской близится к окончанию и не хватает 120,000 р. на отделку большой концертной залы. Сумма эта так велика, что я не решаюсь просить об ее отпуске из Государственного казначейства, но вместе с тем не могу и скрыть от Тебя, что дарование этой суммы принесло бы плоды неизмеримо более ценные, чем означенные деньги. Консерватория, долго бывшая в загоне, сразу стала бы на ноги, оперилась бы и послужила русскому музыкальному искусству»[45].

По-видимому, следствием такого осторожного обращения стало отсроченное удовлетворение ходатайства. Оно последовало лишь 4 января 1902 года (то есть уже после открытия Большого зала) с формулировкой: «в пособие Московской Консерватории на окончание расчетов по сооружению нового здания и на текущие надобности этого учреждения» [19, *6*]; а сумма была урезана до 100 тысяч рублей. Напомним, что освящение и торжественное открытие Большого зала состоялось 7 апреля 1901 года в присутствии вел. кн. Константина Константиновича. В тот же день вел. кн. Александра Иосифовна утвердила избрание Сафонова почетным членом ИРМО, представив в очередном рескрипте все этапы его московской работы:

> Василий Ильич.
>
> Сегодня, в торжественный день освящения и открытия нового величественного здания Московской Консерватории Императорского Русского Музыкального Общества, Я с особенным удовольствием вспоминаю о всей вашей долголетней и плодотворной педагогической и административной деятельности в дорогой моему сердцу Московской Консерватории.
>
> Вступив в 1888 году[46] в число профессоров фортепиано, вы воспитали целую вереницу талантливых пианистов, составивших себе артистическое имя как у нас в России, так и за границею. В 1889 году вы были назначены на трудный и ответственный пост директора Московской Консерватории и с тех пор продолжаете с неослабевающей энергией работать на пользу и процветание Консерватории и Московского Отделения, как один из достойнейших преемников первого директора Московской Консерватории, незабвенного Николая Григорьевича Рубинштейна.
>
> Завершение нового здания Московской Консерватории является праздником Императорского Русского Музыкального Общества вообще и для вас — в особенности. Вы были главным инициатором и руководителем всего сложного дела постройки. Мне очень приятно выразить вам от себя и от главной дирекции Императорского Русского Музыкального Общества Нашу общую искреннюю признательность, и Я с удовольствием утвердила избрание вас Главною Дирекциею, по предложению Августейшего Вице-Председателя Общества, почетным членом Императорского Русского Музыкального Общества.
>
> Пребываю к вам неизменно благосклонна.
>
> Искренне уважающая вас
>
> *Александра Иосифовна* [19, *13–14*].

В. И. Сафонов действительно выступил продолжателем рубинштейновских инициатив и вместе с тем — завершителем традиций дореволюционного русского

[45] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1268. Л. 107 об. — 108. См. ил. 5 на с. 79.

[46] Так в источнике. Правильная дата — 1885.

музыкального просветительства, распространявшегося не только на Российскую империю, но и далеко за ее пределы. Из-за революционных событий 1905 года, затронувших и Московскую консерваторию, он был вынужден расстаться с ней, передав бразды правления М. М. Ипполитову-Иванову. А с 1906 года начался заграничный период жизни Василия Ильича — «годы странствий»; он приобрел мировую известность как дирижер, активно пропагандирующий русскую музыку. 15/28 марта Сафонов писал из Берлина вел. кн. Константину Константиновичу: «Уберег меня Бог от печальных дел наших обеих консерваторий. Просвета не вижу на долгое время. Это поколение для искусства погибло. Что касается выбора Ипполитова-Иванова для Москвы, то это моя давнишняя мысль, осуществлению которой я очень рад. Только об одном жалею, что пришлось ему взять это бремя в настоящие смутные времена. Я же переживаю теперь давно желанные дни свободы и полного артистического удовлетворения <...>» [23, *105*].

Каковы корни столь категоричной оценки «печальных дел»? Один из авторов фундаментальной «Летописи жизни и творчества В. И. Сафонова» и комментатор его эпистолярного наследия Л. Л. Тумаринсон усматривает их в художественно-административных принципах Василия Ильича, сторонника единолично-самодержавного управления учебным процессом. Они сформулированы в известном сафоновском высказывании: «Искусство аристократично и монархично. Как нельзя “комитету” написать симфонию, также точно и большое художественное дело может вести только один человек, даже два будут друг другу мешать, а следовательно, мешать и самому делу. Это для меня ясно. Иначе я не представляю себе правильной постановки художественного воспитания» [23, *556*][47].

Итоги сафоновского периода в истории Московской консерватории трудно переоценить: был полностью реализован грандиозный план строительства нового здания и внесен неоспоримый вклад в развитие отечественной фортепианной школы. С другой стороны, годы директорства Василия Ильича в консерватории и МО ИРМО отмечены ощущением несвободы и поистине знаковыми уходами П. И. Чайковского, А. И. Зилоти, Г. Э. Конюса, С. И. Танеева, открыто и аргументированно критиковавших самовластие Сафонова. Парадоксально, но в выстроенной им парадигме названные фигуры воспринимаются как «мешающие».

1905 год во многих отношениях стал рубежным для русских консерваторий: была введена автономия, при которой повышалась роль коллективного начала в лице художественного совета, а полномочия директора ограничивались. В этом контексте аристократически-монархическая формула Сафонова утрачивала свою актуальность. Тогда же уход вел. кн. Сергея Александровича с поста генерал-губернатора поставил точку в истории уникального двустороннего патронажа Московской консерватории со стороны царской фамилии. Сам же В. И. Сафонов в последующие годы (1906–1918), не будучи связан прежними административными обязанностями, часто отсутствуя в России, практически не имел контактов с августейшими покровителями консерваторий Императорского Русского музыкального общества.

[47] См. также письмо В. И. Сафонова к Л. С. Ауэру от 30 октября / 12 ноября 1905 года, комментарий 2 — о коллективном управлении [23, *90*].

Список сокращений

ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ИРМО (ПО, МО)	Императорское Русское музыкальное общество (Петербургское отделение, Московское отделение)
МФО	Московское филармоническое общество
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Использованная литература

1. *Василенко С. Н.* Воспоминания. М.: Советский композитор, 1979. 376 с.
2. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884–1909) / авт.-сост. А. Б. Ефимов, Е. Ю. Ковальская. СПб.: Алетейя, 2009. 848 с.
3. *Грохотов С. В.* Иосиф и Розина Левины — ученики В. И. Сафонова // В. И. Сафонов. 1852–1918. К 150-летию со дня рождения: материалы науч. конф. / редкол.: Е. Л. Гуревич (отв. ред.), А. С. Скрябин, А. С. Соколов, Е. Г. Сорокина. М., 2003. (Науч. тр. Моск. гос. консерватории имени П. И. Чайковского; сб. 49). С. 72–84.
4. [*Константин Константинович, вел. кн.*]. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / вступ. ст., коммент. Э. Матониной. М.: Искусство, 1998. 495 с.
5. [*Константин Константинович, вел. кн.*]. Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 / отв. ред., сост., автор вступ. ст. В. М. Хрусталев. М.: ПРОЗАиК, 2013. 624 с.
6. Летопись жизни и творчества В. И. Сафонова / сост. Л. Л. Тумаринсон, Б. М. Розенфельд. М.: Белый берег, 2009. 768 с.
7. *Липаев И.* Музыка на коронационных торжествах в Москве // Русская музыкальная газета. 1896. Июль. Стб. 697–714.
8. *Липаев И.* Музыкальная жизнь Москвы // Русская музыкальная газета. 1898. Декабрь. С. 1091–1097.
9. *Моисеев Г. А.* Августейшее музицирование и покровительство музыке в России (вторая половина XIX века) // Вестник истории, литературы, искусства: Альманах / [гл. ред. И. Х. Урилов]; Отделение ист.-филол. наук РАН. Т. IX. М., 2014. С. 311–330.
10. *Моисеев Г. А.* Великий князь Константин Николаевич — президент Императорского Русского музыкального общества // Наследие. Русская музыка — мировая культура. Вып. 1 / сост. Е. С. Власова, Е. Г. Сорокина. М., 2009. С. 128–154.
11. *Моисеев Г. А.* От консерваторий — к «русским концертам». Августейшие покровители и Николай Рубинштейн // Союз творцов и просветителей / сост. Е. Б. Долинская, Е. Д. Кривицкая. М., 2012. С. 70–82.
12. *Моисеев Г. А.* П. И. Чайковский и великий князь Константин Николаевич: к истории взаимоотношений // Научный вестник Московской консерватории. 2013. №3. С. 136–167.
13. Московская консерватория. От истоков до наших дней. 1886–2006. Биографический энциклопедический словарь. М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2007. 668 с.
14. Московский вестник. 1898. 12 сентября. С. 2.
15. Московский вестник. 1898. 26 октября. С. 3.
16. Московский вестник. 1898. 28 октября. С. 2.
17. [*Николай II, имп.*]. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. Т. I: 1894–1904. М.: РОССПЭН, 2011. 1101 с. (Бумаги дома Романовых).
18. Отчет Московского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1895–1896 год. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1897. 188 с.

19. Отчет по постройке и торжественному открытию здания Консерватории / Имп. Рус. муз. о-во. Моск. отд-ние. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1905. [1], 104, 35 с.
20. Отчет С.-Петербургского общества камерной музыки за 1883–1884 г. СПб.: Типография и Литогр. Д. И. Шеметкина и Ко, 1885. 25 с.
21. Переписка великого князя Константина Николаевича с сенатором Андреем Николаевичем Маркевичем (1885–1889) / публикация Г. А. Моисеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 годы / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 540–596.
22. *Сафонов В. И.* Избранное. «Давайте переписываться с американской быстротою…». Переписка 1880–1905 годов / сост. Е. Д. Кривицкая, Л. Л. Тумаринсон. СПб.: Петроглиф, 2011. 760 с. (Российские пропилеи).
23. Странствующий маэстро. Переписка В. И. Сафонова 1905–1917 годов / сост., подгот. текста и коммент. Л. Л. Тумаринсона. М.: Белый берег, 2012. 668 с.
24. Устав Императорского Русского музыкального общества. СПб.: Типография Э. Аргольда, 1873. 20 с.
25. Устав консерваторий Императорского Русского Музыкального Общества. СПб.: Типография Э. Аргольда, 1878. 25 с.
26. *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. XV-б / подгот. К. Ю. Давыдовой, Г. И. Лабутиной. М.: Музыка, 1977. 317 с.
27. *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. Т. XVII / подгот. К. Ю. Давыдовой, Г. И. Лабутиной. М.: Музыка, 1981. 358 с.

Приложение 1

Участие консерватории в торжествах Священного Коронования Их Императорских Величеств, музыкальное исполнение учащихся в присутствии Ее Императорского Высочества Августейшего Председателя Императорского Русского музыкального общества и концерт 12 мая в пользу городских попечительств о бедных[1]

В отчетном году Консерватория имела счастие принимать близкое участие во многих музыкальных исполнениях в период торжеств Священного Коронования Их Императорских Величеств, а именно в исполнениях 8-го, 18-го и 23-го мая в личном присутствии Их Императорских Величеств.

Кроме того 23-го же мая Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Иосифовна изволила произвести музыкальное испытание учащихся по предложенной Ее Высочеством программе.

К этому же периоду относится концерт учащихся Консерватории 12-го мая в Верхних торговых рядах, во время праздника, устроенного в пользу Городских Попечительств о бедных.

Серенада 8-го мая перед Петровским дворцом

8-го мая накануне торжественного въезда Их Императорских Величеств в Москву, была устроена перед Петровским дворцом вечерняя серенада соединенных хоров различных музыкальных учреждений, под общим управлением капельмейстера Императорской Русской Оперы И. К. Альтани. По предложению Дирекции Императорских Московских театров хор учащихся Консерватории принял участие в этой серенаде.

Серенада, начавшаяся в момент появления Их Императорских Величеств на балконе Петровского дворца, происходила по следующей программе:

1. Заздравный хор из оперы «Русалка» соч. Даргомыжского.
2. «Ночь» соч. Гуно.
3. «Возле речки» соч. Лядова.
4. Панорама из балета «Спящая Красавица» соч. Чайковского.
5. «Кто тебя тенистый лес...» («Прощание охотника») соч. Мендельсона.
6. «Славься» из оперы «Жизнь за Царя» соч. Глинки.

По окончании серенады лица, бывшие распорядителями хоров, в том числе Инспектор Консерватории А. И. Губерт, заведующий музеем[2] И. Р. Шорнинг и Правитель дел И. А. Павловский, были вызваны во дворец, где Их Императорские Величества изволили их осчастливить: Государь Император — милостивым разговором, а Государыня Императрица — вручением золотых жетонов на память о серенаде. Той же чести удостоился и профессор Консерватории М. М. Ипполитов-Иванов, бывший на серенаде в качестве дирижера и распорядителя Русского Хорового Общества.

Получения золотых жетонов от Их Императорских Величеств, кроме указанных лиц, удостоились и все без исключения участники серенады — через Контору Императорских Театров.

---

[1] [18, *73–79*].

[2] Имеется в виду Музей Московской консерватории.

Музыкальное исполнение на Ходынском поле во время народного праздника 18 мая

При устройстве народного праздника на Ходынском поле было предположено музыкальное исполнение перед Императорским павильоном, на особо устроенной для этого эстраде, в котором должны были принять участие соединенные хоры многих обществ и певческих капелл. Содержатели и регенты этих хоров коллективным письмом просили Директора Консерватории В. И. Сафонова взять на себя общее управление этим исполнением, каковое предложение и было им принято.

При прибытии Их Императорских Величеств соединенными хорами и оркестрами были исполнены Народный гимн и «Славься» из оперы «Жизнь за Царя» Глинки. Оба хора были милостиво прослушаны Их Величествами и повторены по нескольку раз.

Численность хора достигала 1700 голосов. В этом исполнении принимали участие хоры: Консерватории, Русского Хорового Общества, общества «Moskauer Liedertafel», общества «Männergesangverein», любительский Фармацевтический хор, капелла, учрежденная С. П. Губониным, хор певчих гг. Перловых, церковные хоры Быстрова, Быкова, Белова, Васильева, Галичникова, Знаменского, Лебедева, Молодцова, Озерецковского, Постникова и Шокорова, духовой оркестр гг. Перловых, семь оркестров военной музыки, три полных звона колоколов зав[ода] Самгиных и 8 батарей (32 орудия) от Гренадерских артиллерийских бригад.

Главным дирижером этого исполнения был Директор Консерватории В. И. Сафонов; под его руководством регенты и капельмейстеры управляли каждый своим хором или оркестром; помощниками дирижера были: заведующий музеем И. Р. Шорнинг — по управлению колокольным звоном и бывший ученик Консерватории Н. А. Маныкин-Невструев — по управлению орудийной пальбой. Главным распорядителем была А. И. Губерт, инспектор Консерватории, ее помощниками — остальные служащие по административной части: П. А. Павловский, В. И. Павловская, В. С. Бояринов и А. И. Смирнов.

Кантата, исполненная 23 мая в присутствии Их Величеств, в Городской Думе

23-го мая Их Императорские Величества изволили осчастливить своим посещением Московскую Городскую Думу. Для встречи Их Величеств была приготовлена торжественная Коронационная кантата, написанная для этого случая профессором Консерватории М. М. Ипполитовым-Ивановым. Хоровые партии были поручены малолетним ученикам и ученицам городских училищ, а оркестровые — оркестру учащихся в Консерватории.

При появлении Своем Их Величества были встречены Преображенским маршем, исполненным в нижнем этаже здания Думы духовым оркестром Рукавишниковского приюта, а в парадной зале Думы — оркестром Консерватории.

Когда Их Величества изволили занять приготовленные для Них места, раздались звуки торжественной кантаты. Как разучена, так и исполнена эта кантата была под управлением директора Консерватории В. И. Сафонова.

Исполнение заслужило милостивого одобрения Их Императорских Величеств, и кантата по желанию Его Величества была повторена.

При отбытии Их Величеств из залы Городской Думы хорами и оркестром был исполнен народный гимн.

Музыкальное исполнение учащихся в Консерватории 23 мая в зале Городской Думы, в присутствии Августейшего Председателя Общества Великой Княгини Александры Иосифовны

После отбытия Их Императорских Величеств из Городской Думы, в той же зале Думы состоялось музыкальное испытание учащихся в Консерватории Ее Императорским Высочеством Августейшим Председателем Общества Великой Княгиней Александрой Иосифовной, по предложенной Ее Высочеством программе.

Ее Императорское Высочество была встречена Дирекцией Московского Отделения Общества, Директором и Инспектором Консерватории; при этом супруга Председателя Дирекции В. А. Харитоненко удостоилась поднести Ее Высочеству букет живых цветов. По лестнице Думы при прибытии Ее Высочества были расставлены ученицы Консерватории.

Программа исполнения заключала в себе следующие номера:

1. Глинка. Увертюра «Руслан и Людмила». Исп. оркестр.
2. Чайковский. Ариозо из кантаты «Москва». Исп. А. Н. Шперлинг.
3. Рубинштейн. Четвертый концерт для фортепиано с оркестром d-moll, соч. 70, I часть. Исп. О. Н. Кардашева.
4. Кюи. Cantabile для виолончели. Исп. И. И. Дубинский.
5. Гуно. «Ночь». Исп. хор a cappella.
6. Бетховен. Концерт для скрипки D-dur, соч. 61, I часть. Исп. В. М. Попов.
7. Шопен. Ноктюрн для фортепиано H-dur, соч. 32. Исп. В. И. Исакович.
8. Сарасате. «Malaguena», испанский танец для скрипки. Исп. в унисон сестры А. С. и И. С. Прокопович.
9. Чайковский. Гимн из I действия оперы «Орлеанская дева». Исп. М. М. Бунакова, Г. С. Зиновьев, В. В. Гепецкий, хор и оркестр.

Хором и оркестром дирижировал директор Консерватории В. И. Сафонов. Все нумера программы заслужили милостивого одобрения Ее Высочества, и некоторые из них были повторены. По окончании музыкального исполнения Ее Высочество изволила удостоить милостивым вниманием и разговором Директора, Инспектора Консерватории, присутствовавших гг. профессоров и солистов-исполнителей.

Концерт 12 мая в Верхних торговых рядах

12 мая в помещении Верхних торговых рядов был устроен по инициативе городского самоуправления праздник в пользу Городских Попечительств о бедных. По просьбе Городского Головы К. В. Рукавишникова Консерватория приняла безвозмездное участие в этом празднике устройством концерта в зале верхнего этажа рядов.

Концерт этот происходил под управлением В. И. Сафонова, по следующей программе:

1. Народный гимн «Боже, Царя храни!» Исп. оркестр и хор.
2. Глинка. Увертюра «Руслан и Людмила». Исп. оркестр.
3. Ипполитов-Иванов. Песня Орфы с хором из оперы «Руфь». Исп. М. А. Пуковская и хор.
4. Кюи. Cantabile для виолончели. Исп. И. И. Дубинский.
5. Шопен. II и III части концерта для фортепиано с оркестром e-moll, соч. 11. Исп. Р. Я. Бесси.

6. Глук. Речитатив и ария из I действия оперы «Ифигения в Тавриде». Исп. А. Т. Пересветова.
7. Рубинштейн. I ч. концерта для фортепиано с оркестром d-moll, соч. 70. Исп. О. Н. Кардашева.
8. Сарасате. «Malaguena», испанский танец для скрипки. Исп. в унисон сестры А. С. и Н. С. Прокопович.
9. Чайковский. Ариозо из кантаты «Москва». Исп. А. Н. Шперлинг.
10. а) Шопен. Ноктюрн H-dur, соч. 32.
    б) Паганини — Лист. «Campanella», этюд. Исп. В. И. Исакович.
11. Глинка. Ария из оперы «Руслан и Людмила» «О поле, поле». Исп. В. В. Гепецкий.
12. Чайковский. Гимн из I действия оперы «Орлеанская дева». Исп. М. А. Пуковская, Г. С. Зиновьев, В. В. Гепецкий, хор и оркестр.

По окончании Коронационных торжеств Консерватория была осчастливлена милостивым рескриптом Августейшего Председателя Императорского Русского Музыкального Общества Великой Княгини Александры Иосифовны, данным на имя Дирекции Московского Отделения.

Приложение 2

Милостивый рескрипт Ее Императорского Высочества Августейшего Председателя Общества[3]

По окончании Коронационных торжеств 1896 года Августейший Председатель Императорского Русского Музыкального Общества Великая Княгиня Александра Иосифовна изволила удостоить Дирекцию Московского Отделения Общества следующего милостивого рескрипта:

«Участие Московской Консерватории в торжествах Священного Коронования исполняет радостью и гордостью всё Императорское Русское Музыкальное Общество, и по званию Председателя Общества Я поставляю Себе приятным долгом выразить Дирекции Московского Отделения Мое совершенное удовольствие.

Блестящий успех трудных музыкальных исполнений под артистическим управлением директора Консерватории В. И. Сафонова, особенно исполнение голосами шестисот[4] детей прекрасной кантаты нашего талантливого профессора и ученика Ипполитова-Иванова свидетельствует о высоком уровне развития музыкальных сил Консерватории и правильном направлении музыкального образования. В этом деятельном участии Консерватории в Московских торжествах Мне особенно утешительно было также видеть, что Москва знает и ценит свою Консерваторию.

На музыкальном испытании в Моем присутствии и по предложенной Мною программе Консерватория, к чести ее директора и профессоров, представилась с таким же блестящим успехом. Как оркестр и хоры ее, так и отдельные исполнители при достаточно развитой, а иногда и замечательно искусной технике, правильной школе и строгом внимании в исполнении, отличаются музыкальным

[3] [18, *5–6*].

[4] По данным «Русской музыкальной газеты» в хоре участвовало пятьсот детей: 230 мальчиков и 270 девочек. См. [7, *709*].

чувством и пониманием передаваемого. Увертюра «Руслан и Людмила», «Ночь» Гуно, «Malaguena» Сарасате и сыгранный без приготовления концерт для скрипки Бетховена исполнены были с таким увлечением и тонкостями в оттенках, которые достигаются только прилежным учением и заботливым художественным воспитанием.

К искреннему сожалению, Я не могла видеть Консерваторию в ее собственном помещении, но уверена, что с окончанием нового здания, вид которого и теперь производит внушительное впечатление[5], стараниями Дирекции и настойчивыми трудами В. И. Сафонова, Московская Консерватория будет еще более преуспевать и совершенствоваться на славу родного искусства и во благо его истинных служителей.

Александра И[осифовна]
Павловск
10-го июня 1896 г.

Приложение 3

С. Н. Василенко.
Фрагмент воспоминаний о выступлении на Ходынском поле[6]

Еще с апреля 1896 года Москва начала готовиться к коронации Николая II. Улицы чистили, дома скребли, красили; воздвигались триумфальные арки, транспаранты, всякие чудеса иллюминации. В мае начались торжества. <...>

Начались спешные, нудные репетиции... Жара, духота, Сафонов злой как черт; все измученные...

Репетировали хор из «Русалки» («Да здравствует наш князь младой»), «Возле речки, возле моста» К. Лядова, «Ночь» Гуно, хор из пролога оперы «Князь Игорь», хор из «Млады» Римского-Корсакова (шествие князей) и «Славься» из «Жизни за царя»[7].

Последний должен был идти под аккомпанемент двадцати военных оркестров и залпов пушек. <...> Для этого мы ездили на Ходынку, проводили там ежедневно по три, по четыре часа на адской жаре. Оркестры кое-как сладили, но с пушками измучились: по сигнализации выстрелы раздавались или до, или после аккордов — получалась просто беспорядочная пальба, сбивавшая ритм. Спас дело незаменимый Н. А. Маныкин-Невструев, соорудивший весьма хитроумную клавиатуру для сигнализации. Явился вопрос: куда поставить батарею, чтобы слышалось громче или слабее?

<...>

---

[5] 28 мая 1896 года вел. кн. Александра Иосифовна по приглашению В. И. Сафонова осмотрела строящееся здание Московской консерватории.

[6] [1, *84–86*].

[7] Программа концерта на Ходынском поле в изложении С. Н. Василенко не совпадает с программой, обозначенной в Отчете МО ИРМО (см. выше) и не соответствует действительности. Скорее всего, в памяти мемуариста перемешались два события: Серенада перед Петровским дворцом 8 мая (программа которой действительно состояла из шести пьес и частично совпадала с перечнем Василенко — см. с. 86) и выступление перед царским павильоном 18 мая. В обоих событиях принимал участие хор Московской консерватории.

Знаменитое ходынское гулянье... Еще за несколько дней до него упорно говорили, что может произойти большая катастрофа.

Я встал в этот день в 6 часов утра, в 8 назначено собраться в консерватории, откуда повезут весь наш хор. В 9 часов утра в консерватории уже знали о страшном несчастии, разразившемся на Ходынке. <...>

Мы собрались на огромной террасе (или эстраде) перед царским павильоном — соединенные хоры консерватории, Большого театра, Синодального училища, Русского хорового и «Liedertafel» обществ, капелл Губонина и Васильева и детей всех городских училищ[8].

Царя ждали долго — до часу дня. Кругом, под палящими лучами солнца, шла бесовская свистопляска: недалеко от нас, на высокой эстраде, дудел оркестр рожечников, одетых мужиками, в высоких шапках-гречневиках; почти рядом с ними под аккомпанемент гармошек плясуны наяривали «Барыню»; немного подальше «Русский хор г-жи Ивановой», потом хор Агренева-Славянского — «Ах, калинка, калинка, калинка моя»...

Приехал придворный адъютант к Сафонову: «Что будете исполнять?» — «То и то...» — «Слишком много... Государь император желает покороче — ну, можно... одно “Славься!”».

Каково? Куда пошли наши труды?

И снова кошмар: жара, мухи, гармошки, адская жажда и расстроенный Сафонов с красной лентой через жилетку, меняющий четвертый воротничок...

Приехал Николай II. Я стоял очень близко от балкона и ясно видел его мертвенно-бледное, дергающееся лицо, потухшие глаза...

Началось исполнение... На шестнадцатом такте «Славься» раздался залп пушек, да такой, что покрыл хоры, колокола, оркестры... За ним другой, третий — и пошло писать... Эстрада и балкон дрожали; Николай побледнел, императрица, великие княжны, придворные дамы — все ушли с балкона...

К нам снова адъютант: «Остановите стрельбу, государь недоволен...».

Легко сказать «остановите»: Маныкин-Невструев, гениально построивший сигнальный аппарат, не включил в него знака о прекращении. Сафонов растерялся и последнее колено не повторил: хоры, колокола, оркестры — замолкли, а пушки честно продолжали допаливать свои партии...

Царь со всем двором тотчас уехал.

[8] Приведенный перечень исполнителей расходится с Отчетом МО ИРМО (ср. с. 87). «Дети всех городских училищ» не были задействованы в концерте на Ходынском поле. Они принимали участие только в исполнении кантаты М. М. Ипполитова-Иванова в зале Московской городской думы 23 мая 1896 года (см.: там же).